

А. А. Вигасин, С. Г. Карпюк

НЕИЗДАННАЯ И ЗАБЫТАЯ: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ» 1941 ГОДА

В статье рассматривается первый том «Истории культуры» 1941 г., подготовленный к печати, но не изданный из-за начала войны. А. А. Вигасин и С. Г. Карпюк анализируют научный уровень книги, прослеживают судьбы и эволюцию взглядов ее авторов.

Ключевые слова: «История культуры», советская историография, древний мир, Средние века.

Любая война имеет свою цену – погибшие и искалеченные люди, разрушенные города, уничтоженные памятники истории и культуры. Но не менее существенны и косвенные последствия. Демографы, например, ведут счет не родившимся в результате войны. В этой статье речь пойдет о книге, которая из-за войны не вышла в свет.

«История культуры» планировалась как трехтомник: первый том был посвящен культуре первобытности, древнего мира и Средневековья, второй том должен был охватывать историю культуры капиталистического общества, третий – историю культуры народов СССР [14, с. 12]. Целевая аудитория – широкие слои советской интеллигенции. В предисловии подчеркивалось, что новой советской интеллигенции «нужно знать не только прошлое своей родины, не только историю революционного движения в других странах, – ей нужно быть знакомой с культурным наследием прошлых эпох» [14, с. 11–12].

Подготовленный макет первого тома сохранился в личной библиотеке одного из авторов статьи. Огромная (840 страниц большого формата) книга была напечатана тиражом 200 экземпляров в московской типографии «Красный пролетарий» – это бывшая типолитография Товарищества печатного дела и торговли «Кушнерев И. Н. и К^о» (ул. Краснопролетарская, 16/1)¹.

---

¹ Типография издавала книги на высоком полиграфическом уровне: в ней печатались сочинения классиков марксизма-ленинизма, а напечатанная там «Конституция Союза ССР» получила Гран-при Парижской выставки 1937 г.

Книга прошла цензуру (в выходных данных есть номер уполномоченного Главлита, на авантитуле – гриф «на правах рукописи») и была подписана к печати 10 марта 1941 года. К лету она могла быть напечатана – через пару месяцев после подписания к печати книги тогда нередко были уже в продаже¹. Все экземпляры пронумерованы. Они предназначались для обсуждения, но таковое вряд ли могло состояться после 22 июня 1941 года.

Судьба книги была печальной. При приближении немецких войск в Москве типография была эвакуирована; в прифронтовом городе оставалось только небольшое подразделение, печатавшее плакаты [24, с. 336]. Многие сотрудники ушли в народное ополчение и погибли: на памятной стеле выгравировано 80 фамилий погибших, среди них, очевидно, были и уникальные специалисты. Вероятно, гранки набора и лино типы иллюстраций были безвозвратно утрачены.

Похоже, что мало кто из внесенных в список на получение пронумерованных экземпляров успел получить его. В нашем распоряжении находится экземпляр № 133, принадлежавший Тамаре Михайловне Шепуновой [5], которая в течение многих лет заведовала кабинетом кафедры истории древнего мира МГУ и была автором небольшого раздела. Несомненно, экземпляр находился также у одного из редакторов и авторов – М. О. Косвена. Еще один экземпляр должен находиться у наследников В. П. Зубова, так как в списке его трудов указываются страницы книги, им написанные [11, с. 361]². Один экземпляр, поступивший от Анны Ахматовой, сохранился в собрании Литературного музея (вероятно, изначально он принадлежал Н. Н. Пунину). Издание это осталось практически неизвестным; на него почти нет ссылок ни в научной литературе³, ни в библиографических указателях. В историографических очерках редкие упоминания грешат неточностями⁴. Его нет ни в собрании РГБ (бывшей библиотеки им. Ленина) – крупнейшего книжного собрания России, ни в других крупных библиотеках.

***

¹ Например, первый том «Истории дипломатии» (Москва, 1-я Образцовая типография, тираж 500 тыс. экз.) был подписан к печати 23 декабря 1940 г. [12], а на экземпляре из библиотеки РГГУ сохранилась дарственная надпись: «Лешке, в честь "Русской Швейцарии" Цива 24.II.1941 г. Москва».

² Библиографию трудов В. П. Зубова составила Л. В. Каминер [11, с. 360–370].

³ В качестве исключений можно назвать работы авторов, занимавшиеся культурой народов Кавказа [1; 2; 22], которые могли ознакомиться с книгой, принадлежавшей М. О. Косвену.

⁴ Например, С. С. Алымов утверждал, что «сохранился только его конспективный проект» [3, с. 40].

Для СССР второй половины 30-х – начала 40-х годов характерно появление масштабных научно-издательских проектов в разных областях гуманитарного знания, в частности, в области исторических наук. Это было следствием восстановления преподавания «гражданской» истории, воссоздания университетских кафедр и основания научных институтов в 1934–1936 гг. Речь идет о резком идеологическом повороте. Знаками его было и осуждение так называемой «школы Покровского», и отказ от поддержки марровской школы (хотя пока еще не в области языкознания, последнее произошло уже после войны). Теоретизирование и социологические схемы уступали место традиционным методам работы историков. Период «революционного натиска» завершился. Официально говорилось о полной победе социализма, а реально наступала эпоха реставрации, имперского стиля, ампира.

«История культуры» была частью серии обобщающих многотомных изданий, издававшихся большими тиражами. Первые тома некоторых из них («История философии» [18], «История дипломатии» [12], «История музыкальной культуры» [16]) успели выпустить до начала войны. «Всемирная история» находилось еще на стадии подготовки, из многотомника «История СССР» [17] вышел только макет первого тома, причем это издание было подписано в печать 5 апреля 1941 г. – почти на месяц позже «Истории культуры». Издание «Истории философии» и «Истории дипломатии» продолжалось и во время войны. Другие издания, подготовленные перед войной, были изданы только после ее окончания, например, подготовленная ИИМК и Институтом истории АН СССР «История культуры древней Руси» [15].

Характерно, что «История культуры», и «История культуры древней Руси» готовились одновременно и были во многом схожи. В предисловии к первой части первого тома «Истории культуры древней Руси» специально отмечается, что «тома I и II были подготовлены к печати летом 1941 г. Великая Отечественная война, задержавшая их выход в свет, еще больше заострила политическое и научное значение “Истории культуры древней Руси”» [15, с. 6]. Предполагалось издать пятитомник, цель которого – «систематическое освещение всех сторон как материальной, так и духовной культуры» [15, с. 6]. Были очерчены и хронологические рамки: «Настоящий труд имеет своей задачей всестороннее освещение истории русской культуры от времени возникновения Киевской державы до конца XVII в.» [15, с. 5]. Совпадает структура описания. Вот перечень глав первой части первого тома «Истории культуры древней Руси»: предисловие – исторический

очерк – материальная культура – сельское хозяйство и промыслы – ремесло – поселение – жилище – одежда – пища и утварь – средства и пути сообщения – торговля и торговые пути – деньги и денежное обращение – военное дело – оружие – крепостные сооружения. Это почти полностью совпадает с модусом описания в первом томе «Истории культуры». Совершенно очевидно, что эти издания были частью единого проекта, которому в начале 40-х годов придавалось важное значение и который, безусловно, оказал существенное влияние на развитие гуманитарных наук в СССР.

Макет первого тома «Истории культуры» отличается высоким качеством полиграфии. Книга содержит огромное количество иллюстраций – около тысячи (в том числе 17 вклеек на мелованной бумаге, из них 12 в цвете). Качество печати и иллюстраций соответствует самым высоким стандартам, принятым в то время в СССР. Немудрено, что печаталась она в типографии Политиздата: членом редколлегии значился сам директор ОГИЗ (что-то вроде нынешнего министра по делам печати) П. Ф. Юдин (1899–1968). В идеологической номенклатуре того времени он был одной из ключевых и очень характерных фигур¹ и оставил по себе мрачную память.

Впрочем, не у всех. А. А. Тахо-Годи, к примеру, с благодарностью вспоминает, что он оказывал покровительство А. Ф. Лосеву – с одним, Впрочем, условием: последний мог заниматься античной эстетикой, но не имел права высказываться по вопросам философским. Интеллектуальный уровень П. Ф. Юдина, питомца Коммунистического университета и Института Красной профессуры, не позволяет подозревать, будто он что-либо мог понять в работах А. Ф. Лосева. Очевидно, ему была дана общая установка: буржуазного спеца использовать, но не позволять ему касаться идеологии Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина.

Вероятно, такое же отношение к «спецам» и науке проявлялось и в организации труда по «Истории культуры». Приведенный выше

---

¹ Деревенский паренек, П. Ф. Юдин в течение двух лет учился в Коммунистическом университете (сведений о наличии среднего образования найти не удалось), затем в Институте Красной профессуры. Вместе с М. Б. Митиным в 1930 г. выступил с резкой критикой руководства ИКП и, получив диплом, сразу же, в 1932 г. был назначен директором этого учреждения. В 30-е годы стал директором Института философии и членом-корреспондентом АН СССР, а в послевоенное время академиком и кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС (вместе с М. А. Суловым был членом постоянной комиссии по идеологическим вопросам). Активный борец с космополитизмом и «буржуазными лженауками» – генетикой и кибернетикой. Академическая карьера затормозилась в 1953 г. С этого времени он перешел в дипломатическое ведомство (был послом в КНР в 1953–1959 гг.).

список обобщающих трудов имеет определенную системность. Это заставляет предполагать, что «История культуры» вовсе не была самостоятельностью группы ученых, которые воспользовались «крышей» в виде партаппаратчика П. Ф. Юдина. Очевидно, напротив, последний получил указание от высшего партийного руководства, и оно было передано ученым исполнителям.

Особого теоретического, идеологического значения этому изданию не придавалось; в предисловии было сказано: «Для новой, советской интеллигенции предназначена настоящая книга о культурном наследии» [14, с. 12]. То, что могли издавать книгу для интеллигенции (новой, советской, а не гнилой дореволюционной) уже благо. И, к счастью, речь идет лишь о сумме знаний про «культурное наследие», а не об осмыслении феномена культуры в свете единственно правильного учения. Для конца тридцатых годов овладение этим учением было не столь актуально: вполне достаточно употребления соответствующих терминологии и ссылок.

В «Истории культуры» проявляется стандарт ограничения обязательного применения марксизма, существовавший в советской научной и научно-популярной литературе приблизительно с 1939 по 1947 или 1948 г.: от распространения догмы «Краткого курса истории ВКП(б)» до разворачивания кампании по борьбе с «низкопоклонством». Ссылки на классиков и на «Краткий курс» были обязательны во вводных разделах: в «Истории культуры» ими густо усыпано редакционное предисловие (всего 12 сносок на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина [14, с. 5–12]). Роль «штатного идеолога» в редакционной коллегии выполнял, очевидно, философ П. Ф. Юдин. Однако, к примеру, во вводной главе ко II разделу («Введение. Возникновение древних цивилизаций» [14, с. 133–137]), написанной другим членом редколлегии М. О. Косвенем, только одна ссылка на «Краткий курс», причем к месту: там говорится о том, что географическая среда не может рассматриваться как определяющий фактор исторического развития [14, с. 134]. В редколлегию, кроме П. Ф. Юдина, входили также П. И. Кушнер и М. О. Косвен. Характерно, что в выходных данных в конце тома только эти двое и фигурируют в качестве «редакторов», но не П. Ф. Юдин.

Павел Иванович Кушнер (партийный псевдоним «Кньшев», 1889–1968) – старый большевик, живший в известном «Доме на набережной» напротив Кремля, где обитала высшая партийная элита. Многие из этого дома исчезли в 1937 году, а П. И. Кушнер уцелел, хотя и был тогда на короткое время арестован. В двадцатые годы он написал учебник «История развития общественных форм», ставший базовым

в университетском преподавании. В 1929 году учебник и его автор подверглись резким нападкам в партийной печати, и П. И. Кушнер на несколько лет переквалифицировался в советского торгового представителя в странах Западной Европы. В середине тридцатых годов (до 1938 г.) он был заместителем председателя Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР. Затем перешел к занятиям полевой этнографией и в рассматриваемое время занимал должность заместителя директора по науке в московском Музее народов СССР. Для Кушнера-ученого, как отмечает его биограф [3, с. 41], тридцатые годы – время почти полного молчания.

Как официальные должности (член редколлегий центральных газет), так и связи в высшей партийной иерархии обеспечивали ему влияние в области научной политики. Человек образованный (получил образование в Университете Шанявского в Москве) и неглухой, он мог оказать организационную помощь при создании «Истории культуры». Но сам он для этой книги ничего¹ не написал. По всей видимости, основным редактором был Марк Осипович Косвен (1885–1967), выпускник Сорбонны, в те годы профессор кафедры этнографии исторического факультета Московского университета и одновременно редактор Большой Советской Энциклопедии по отделу этнографии. С П. И. Кушнером он был дружен [3, с. 50].

Общий план издания был обозначен в предисловии, подписанном редакцией. Первый том был посвящен «истории первобытной культуры, истории древнейших цивилизаций, античной средиземноморской культуре и средневековой культуре Западной и Южной Европы и Азии». Хронологические рамки тома должны были определяться господствующей концепцией, согласно которой рубежом Средневековья считалась Великая Французская революция (именно это мы и видим в университетских курсах того времени, написанных, между прочим, теми же авторами). Однако в рассматриваемой «Истории культуры» изложение доведено лишь до XVII в., а период, начиная с Возрождения, рассматривается как принципиально новый этап в истории культуры.

Оба представителя ученого мира в редколлегии (П. И. Кушнер и М. О. Косвен) занимались первобытностью и этнографией – поэтому,

---

¹ Или почти ничего. С. С. Алымов [3, с. 59], ссылаясь на список работ П. И. Кушнера из его личного дела, хранящегося в архиве Института этнологии и антропологии РАН, считает, что он написал для этого издания совместно с М. О. Косвеном главы «Религия греков», «Христианство» и Заключение к «Истории культуры древнего мира». Однако в самой книге авторство П. И. Кушнера (как и М. О. Косвена) никак не обозначено. Возможно, речь шла, скорее, о редакционной переработке.

вероятно, не очень активно вмешивались в авторские тексты. Но от них зависел нечтозначительно более важное – подбор авторов, определение структуры и характера книги. М. О. Косвен сам написал весь раздел о первобытности [14, с. 15–137]. Для главы о древней Палестине [14, с. 200–210] он привлек своего коллегу по Московскому университету, профессора кафедры истории древнего мира А. Б. Рановича (1885–1948), в 1939 г. получившего ученую степень доктора исторических наук. Возможно, Абрам Борисович отказался писать о финикийской культуре [14, с. 191–200] и предложил вместо себя аспирантку Е. М. Штаерман (1914–1991). Параллельно с написанием этой главы Елена Михайловна подготовила обзор недавних раскопок в Угарите (Рас Шамра) – этот текст был опубликован в «Историческом журнале» в том же 1941 году [32]. Аналогичная ситуация сложилась и с крито-микенской культурой [14, с. 271–291]. Заведующий кафедрой истории древнего мира профессор В. С. Сергеев, писавший аналогичный раздел для «Всемирной истории», порекомендовал лаборантку (а в те годы и аспирантку) – свою ученицу Т. М. Шепунову (1901–1978). Раздел «Эгейская культура» написан Т. М. Шепуновой, очевидно, по материалам В. С. Сергеева и в духе концепций, которые развивал ее учитель. Т. М. Шепунова не имела самостоятельных научных трудов, но именно она составила подробнейшие обзоры обсуждения главы В. С. Сергеева для «Вестника древней истории» [30] и для «Исторического журнала» [31]. В этом разделе «Истории культуры» эгейская культура рассматривается как соединяющее звено между древнейшими цивилизациями и античным миром.

М. О. Косвен привлек к работе и другого профессора МГУ – Г. С. Кара-Мурзу (1906–1945). Впоследствии он высоко оценил представленные им главы [14, с. 234–250, 758–788] по древней и средневековой культуре Китая: «Главы, написанные Георгием Сергеевичем, были поистине блестящими, история культуры Китая была представлена так увлекательно, так содержательно, с таким литературным блеском!»¹.

¹ «М. О. Косвен говорил...: «Когда мне пришлось быть редактором задуманного многотомного издания по истории культуры, мы привлекли Георгия Сергеевича в качестве глав по истории культуры Китая... Главы, написанные Георгием Сергеевичем,... конечно, стали самыми лучшими главами в «Истории культуры». Эта работа осталась в виде макета первого тома и мало кому известна» (цитируется по «Стенограмме траурного заседания Отделения Востока исторического факультета МГУ, посвященного памяти профессора МГУ Г. С. Кара-Мурзы, 5 октября 1945 г.») [27, с. 93].

Наибольший объем [14, с. 291–383, 384–482, 533–535, 553–554, 614–616, 655–661] в книге принадлежит В. П. Зубову (1899–1963) – специалисту по античной архитектуре, науке и музыке. Он написал все разделы об античной средиземноморской культуре (а также параграфы по истории музыки в главах по Средневековью и Новому времени). В главах по Греции им были использованы некие материалы М. И. Максимовой и С. Я. Лурье (возможно, рукописи, представленные этими авторами, чем-то не удовлетворили редакцию).

Василий Павлович Зубов – ученый-энциклопедист; друзья называли его «русским Леонардо». В то время он работал во Всесоюзной Академии архитектуры, занимаясь, в числе прочего, архитектурой древнего мира; одновременно он был ученым секретарем совета, созданного для научного руководства и наблюдения за реставрационными работами в Троице-Сергиевой лавре. Античная наука и культура входили в число научных интересов В. П. Зубова: так, 1945 г. датируется его незавершенная работа «Античная метрика и античное учение о пульсе», одну маленькую заметку о Демокрите он опубликовал и в «Вестнике древней истории». Очевидно, по материалам «Истории культуры» им были написаны энциклопедические статьи для второго издания «Большой Советской Энциклопедии»: «Рим (наука)» и «Витрувий». А одна из наиболее известных его книг была посвящена Аристотелю [10].

Для глав о средневековой культуре Индии привлекли сотрудника Музея восточных культур С. И. Тюляева (1898–1993), который незадолго до того издал альбом по индийской архитектуре [29]. Этот раздел был едва ли не самым слабым, но и выбирать иного автора было невозможно – к тому времени более квалифицированные индологи Ленинграда были расстреляны. Главу о японской культуре писать было вовсе некому – едва ли не все японисты были объявлены японскими шпионами. В общей сложности, москвичам принадлежит более половины всей книги.

Надо думать, что из ленинградских специалистов, в первую очередь, обратились к Осипу Львовичу Вайнштейну (1894–1980) [26], который в те годы заведовал кафедрой истории Средних веков в университете. О. Л. Вайнштейн написал около 130 страниц о культуре Средневековья. Привлек он к работе сотрудника своей кафедры, специалиста по культуре Возрождения Матвея Александровича Гуковского (1898–

1971)¹, а также Николая Николаевича Пунина (1888–1953)². Вероятно, по рекомендации В. В. Струве главы по древнейшим цивилизациям Ближнего Востока [14, с. 138–190, 210–220] поручили писать египтологу Игорю Леонтьевичу Снегиреву (1907–1946) [23, с. 356–357]. Последний активно сотрудничал в те годы с В. В. Струве (переиздание классического труда Б. А. Тураева «История Древнего Востока», составление атласа по Древнему Востоку под редакцией В. В. Струве [7], университетский учебник по истории Древнего Востока [13]). Привлекли и другого египтолога, Николая Александровича Шолпо (1903–1941), который написал главу о культуре Древней Индии (главу о Древней Индии он писал и для учебника В. В. Струве в издании 1941 года). Для глав по культуре средневекового Ближнего и Среднего Востока, а также Византии, обратились к сотрудникам Эрмитажа: Камилле Васильевне Тревер (1892–1974), Михаилу Михайловичу Дьяконову (1907–1954), Александру Николаевичу Болдыреву (1909–1993), Андрею Яковлевичу Борисову (1903–1942) [4], Алисе Владимировне Банк (1906–1984)³. На долю каждого из них досталось от 12 до 17 страниц текста. Надо сказать, что М. М. Дьяконов, А. Н. Болдырев и А. Я. Борисов были не только коллегами, но и друзьями. Близка к ним была и А. В. Банк, которая с 1940 г. заведовала Отделом Византии и Ближнего Востока в Эрмитаже.

Любопытно распределение авторов по возрастным категориям: М. О. Косвен, А. Б. Ранович, Н. Н. Пунин, П. И. Кушнер родились в восьмидесятые годы, О. Л. Вайнштейн, М. А. Гуковский, К. В. Тревер в девяностые – это поколение, получившее образование еще в дореволюционное время. Остальные родились на рубеже века или в начале девятисотых годов (самая молодая, Е. М. Штаерман, – в 1914 г.). Это уже следующее, советское поколение. Разница порою небольшая по возрасту, всего в несколько лет – но зато каких лет! Значительная часть авторов – люди совсем молодые, около тридцати лет отроду, аспиранты или сотрудники, только что защитившие кандидатские диссертации. По всей видимости, мэтры, генералы от науки не считали

¹ М. А. Гуковскому принадлежит 46 страниц книги. С 1939 г. он был ученым секретарем Совета истфака ЛГУ, тогда же защитил докторскую диссертацию о Леонардо. В 1943–1945 гг. был проректором ЛГУ. «Он, обладая бесспорным даром историка культуры и науки, не отказывался от административных перспектив, что, несомненно, влияло на свойства личности» [8, т. 1, с. 412].

² Н. Н. Пунину принадлежит 35 страниц. В 1940 г. он издал учебник по истории западноевропейского искусства.

³ Список трудов см. [6]. В списке фигурирует ее глава «Византийская культура», но книга датирована 1940 г. – очевидно, по памяти (экземпляра у нее не было?).

для себя престижным участие в подобном предприятии. Вероятно, и гонорары были крохотными – ведь культура, конечно, не самое важное. Некоторая свобода от идеологического террора всегда оборачивается свободой также от материальных благ. Но надо констатировать, что малоизвестные и совсем молодые авторы, ученики старой профессуры, демонстрировали высокий научный уровень.

Обратим также внимание на prospect издания, на распределение материала. Первобытная культура занимает около 120 страниц, античность около 200, около 200 также – Западное Средневековье и Новое время, культура Востока – около 250. Необычно большой объем уделен первобытности. И вряд ли это связано только с интересами редакторов – М. О. Косвена и П. И. Купнера. Главная причина была в ином: это был принципиальный отказ от резкого противопоставления истории и «доисторического прошлого». Столь же непривычно много внимания уделено культурам Востока, что, безусловно, связано с общей установкой советской историографии на освобождение от европоцентризма.

Присмотримся к схеме, опираясь на которую авторы описывали культуру конкретного региона в «Истории культуры». Алгоритм описания культуры древней Греции В. П. Зубовым был, к примеру, следующим: во введении давалась характеристика географического положения, населения и основных этапов греческой истории. Далее описание шло по периодам (архаический, классический, эллинистический), выделялись следующие разделы: техника, хозяйство и торговля; общество и государство; быт (религия – только в архаическом периоде); наука; литература; искусство.

Сравнение описания крито-микенской цивилизации (автор – Т. М. Шепунова) с описанием цивилизаций Ближнего Востока (раздел «Финикия» написан Е. М. Штаерман, раздел «Палестина» – А. Б. Рановичем) демонстрирует одинаковые «опорные пункты»: географическое положение, исторический очерк, развитие производительных сил, общество, искусство, религия. Однако, опираясь на сохранившиеся источники, А. Б. Ранович большее внимание уделил Библии и еврейской религии, а Т. М. Шепунова – критской и микенской архитектуре. Общая схема существовала, но могла корректироваться в зависимости от специфики исторического развития, наличия или отсутствия соответствующих источников, научных интересов автора раздела¹. Идеологические вставки носили, по большей части, внешний характер и принципиально не влияли на сам текст.

¹ Раскопки в Рас-Шамре нашли широкое отражение в написанном Е. М. Штаерман параграфе о культуре Финикии именно потому, что, что автор одновременно работала над соответствующей статьей для «Исторического журнала» [32].

В главах, описывавших конкретные события или явления, многое зависело и от позиции авторов, и от того, упоминался ли данный регион в трудах Маркса или Энгельса. Интересно сравнить одинаковые по размеру главы второго раздела: главу III «Финикия» [14, с. 191–199] с главой IV «Палестина» [14, с. 200–209]. Глава «Палестина», написанная А. Б. Рановичем, содержит три ссылки на Маркса и Энгельса, касающиеся вопросов культуры и религии. А. Б. Ранович отмечает, что «огромные средства выкачивало из населения жречество» и жалеет, что «источники не оставили сведений о борьбе рабов за свое освобождение» [14, с. 204]. Глава «Финикия», написанная Е. М. Штаерман, подобных ссылок не содержит вовсе, и автор просто отмечает: «Исторические источники сохранили слишком мало данных о финикийском обществе» [14, с. 196]. Данный факт весьма показателен, потому что Е. М. Штаерман принадлежала к первому советскому поколению историков-античников и стремилась творчески развивать марксизм; при этом даже ранние статьи Е. М. Штаерман в «Вестнике древней истории», посвященные социально-экономической проблематике, выделялись достаточно частым цитированием основоположников марксизма. Можно предположить, что от авторов глав «Истории культуры» не требовали обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма, поскольку историко-культурная проблематика была слишком далека от марксистских догматов.

Впрочем, о марксизме следует сказать доброе слово: авторы «Истории культуры» были последовательными сторонниками историзма. Нет «неисторических» народов – развитие идет и на Востоке. Примечательно, что в книге нет назойливого социологизма. Естественно, что упоминаются социально-экономические формации, но это не выглядит догмой – ведь любой серьезный историк не сомневается в том, что общественные отношения проходили определенные фазы эволюции. Они-то и могут быть названы социальными формациями. Не бросается в глаза ни пресловутый «классовый подход», ни «классовая борьба». Ритуальные цитаты встречаются изредка и не портят общей картины. Зачастую речь идет лишь о констатации общеизвестных фактов, замаскированных кавычками и ссылками на классиков (как, например, характеристика Константинополя в качестве «моста между Востоком и Западом», снабженная ссылкой на Маркса [14, с. 536]). И полемика с зарубежными исследователями выглядит уместно – к примеру, о том, что нет в истории «избранных народов» (мысль весьма актуальная в контексте предвоенной Европы и той вакханалии расизма, что происходила в стране союзной тогда с СССР).

Еще один любопытный штрих: М. О. Косвен написал раздел о доколумбовой Америке (принципиальное новшество в нашей исторической литературе!). Цивилизации Нового Света, таким образом, были поставлены в один ряд с культурами Древнего мира – как типологически сходные. И название раздела характерно: «Древнейшие цивилизации». Вполне можно говорить не только о формационном, но и о цивилизационном подходе авторов к истории мировой культуры.

Профессиональные историки (и среднего возраста, и молодые) не мудрствовали над общим определением, что такое культура. Они были убеждены в единстве культуры (материальной, общественных форм, психологии разных общественных групп, духовной культуры в разнообразных ее проявлениях). Кстати сказать, и пресловутого «воинствующего атеизма» заметить нельзя – отмечается, к примеру, положительная роль христианства и церкви в Средние века.

Но главное: культура предстает не в качестве инвентаря «достижений», а как, своего рода, физиономия цивилизации. Авторы пытаются дать портрет эпохи, что выгодно отличает книгу от большинства общих трудов и учебных курсов, появившихся в позднейшее, послевоенное время. В связи с этим стремлением на фактах и в зримых картинах представить историческое время стоит и обилие иллюстраций, и множество ярких цитат из источников, и сам язык повествования – безусловно культурный (что не так уж часто бывало в советских книгах по истории культуры).

Непривычно большое для советской историографии место занимает тема быта, нравов, социальной психологии, этикета (в том числе, сведения о том, как в ту или иную эпоху было принято сморкаться или какое место занимала в культуре карточная игра...). Нет схематизма даже у тех авторов, которых принято критиковать за увлечение социологией и пренебрежение фактами (за это историографы часто упрекали, например, Г. С. Кара-Мурзу [25, с. 322]).

А потом была война. Н. А. Шолпо погиб в сентябре 1941 г., от голода в блокадном Ленинграде 1942 г. умер гениальный¹ семитолог

¹ К. Б. Старкова : «Андрей Яковлевич Борисов гениальный ученый» [28, с. 207]; И. М. Дьяконов: «Расскажу только, что в библиотеке у Корсуна находилось некоторое подобие мозгового треста. Главным лицом был иранист Александр Николаевич Болдырев, высокий, красивый, с лукавой улыбкой, талантливый, умный, добрый; и с ним мой брат Михаил Михайлович, тоже красивый, талантливый и умный; [...] и иногда Андрей Яковлевич Борисов. В числе прочих премудрых вопросов [...] был вопрос о классификации ученых-востоковедов по «пядам во лбу». Здесь А. Я. Борисов (так как университет кормил плохо, он поступил в 1937 г. в Эрмитаж... аспирантом к К. В. Тревер) был «семипядником-титаном» [...], А. Н. и М. М. тянули на пять пядей, К. В. Тревер – не выше трех» [9, с. 425].

А. Я. Борисов, китаист Г. С. Кара-Мурза погиб в Китае во время войны с Японией, И. Л. Снегирев попал в плен и за это вскоре после победы был арестован (умер в советском лагере). А с конца 40-х годов обозначился резкий разрыв с мировой наукой. В 1949 году М. А. Гуковский и Н. Н. Пунин были арестованы (первый был освобожден и реабилитирован после смерти «отца народов», другой скончался в лагере). Чуть позже О. Л. Вайнштейн был уволен из Ленинградского университета в качестве «космополита» и вынужден был продолжать свою деятельность в Киргизии. Какая уж тут культура... Процент потерь среди ленинградских авторов – гораздо выше, чем среди авторов московских: это связано и с блокадой, и с особо губительными репрессиями, обрушившимися на послевоенный Ленинград [8].

Книга была полностью готова и могла бы быть напечатана после войны – как опубликована была «История культуры древней Руси». Но это оказалось совершенно невозможно – как по причине трагической судьбы ряда авторов, так и потому, что в конце сороковых–начале пятидесятых годов Советский Союз решительно изолировал себя от мировой науки и культуры. «История культуры» стала жертвой не только мировой войны, но и послевоенной политики.

М. О. Косвен вариант главы о древнем Перу опубликовал еще в 1941 году в «Историческом журнале» [21]. Свои главы по первобытности он превратил в книгу «Очерки истории первобытной культуры», выдержавшую два издания (1953 и 1957 гг.). Текст отличается мало – и не всегда в лучшую сторону (иллюстрации остались старые, но меньше и в худшем исполнении, больше стало трескучих фраз с обличениями буржуазной историографии). Видимо, сказывалась атмосфера послевоенных лет.

Как охарактеризовать то направление, к которому принадлежала и «История культуры», и другие многотомные труды первой половины 40-х годов? С некоторой долей условности, как «объективизм 40-х годов» с преобладанием «позитивистского нарратива». В сущности, это была победа «старой школы» над агрессивным марксизмом¹. Эти

---

¹ Возможно, эта тактическая победа фактографии готовила почву для дальнейших теоретических поисков. Вот любопытная цитата из письма Г. С. Кара-Мурзы военных лет: «В последние годы у нас потеряли вкус к теории, увлеклись конкретикой (как крен в другую сторону после социологизирования). Ну, и я шел в общем течении. Хватит, надоело. Назрели теоретические вопросы, и хочется ими заняться всерьез» [19, с. 186]. Талантливый китаист погиб в авиакатастрофе, а выжившим советским ученым после кампаний по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом теоретические вопросы не казались привлекательными.

издания печатались большими тиражами и должны были повлиять на целое поколение советской интеллигенции. Однако военная и послевоенная «идеологическая разболтанность» вызвала ответную реакцию, и разгром вполне объективистской «Истории философии» стал только началом целой серии идеологических кампаний.

Подготовленная перед войною «История культуры» была забыта – и забыта совершенно незаслуженно! Более того, за 70 с лишним лет, прошедших после ее создания, в российской исторической литературе так и не появилось аналогичного труда – по замыслу и научному уровню. Инициированная авторами интернет-публикация «Истории культуры» – лучшая память об авторах книги, многие из которых погибли или во время войны, или вскоре после ее окончания.

1. *Авдеев А. Д.* Происхождение театра / А. Д. Авдеев. – М., 1959.
2. *Аджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии: материалы и исследования / И. А. Аджинджал. – Сухуми, 1969.
3. *Алымов С. С. П. И.* Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг / С. С.Алымов. – М., 2006.
4. *Банк А. В.* Памяти погибших / А. В. Банк// Сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1948. – Вып. 5. – С. 50–51.
5. *Вигасин А. А.* Столетие Тамары Михайловны Шепуновой // Вигасин А. А. Работы разных лет / А. А. Вигасин. – М., 2012. – С. 287–291.
6. *Византия* в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения А. В. Банк. Материалы конференции // Труды Государственного Эрмитажа. – XLII. – СПб., 2008.
7. *Древний Восток.* Атлас / под ред. В. В. Струве. – М., 1937.
8. *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы / П. А. Дружинин. – М., 2012. – Т. 1–2.
9. *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний / И. М. Дьяконов. – СПб., 1995.
10. *Зубов В. П.* Аристотель / В. П. Зубов. – М., 1963.
11. *Зубов В. П.* Развитие атомистических представлений до начала XIX века / В. П. Зубов. – М., 1965.
12. *История дипломатии* / под ред. В. П. Потемкина. – М., 1941–1945. – Т. 1–3.
13. *История древнего Востока* / под ред. В. В. Струве. – М., 1941.

14. *История культуры* / под ред. П. Ф. Юдина, М. О. Косвена и П. И. Кушнера. – М., 1941. – Т. I. : Первобытная культура. Древнейшие цивилизации. Античный мир. Средневековье. – На правах рукописи.
15. *История культуры древней Руси* / под общей редакцией акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. – М.–Л., 1948–1951. – Т. 1–2.
16. *История музыкальной культуры* / под ред. Р. И. Грубер. – Л., 1941. – Т. 1. – Ч. 1–2. С древнейших времен до конца XVI века.
17. *История СССР* / под ред. В. А. Пичеты, М. Н. Тихомирова и А. В. Шестакова. – М., 1941. – Т. I.
18. *История философии* / под ред. Г. Ф. Александрова. – М., 1941–1943. – Т. 1–3.
19. *Кара-Мурза Г. С. Из писем ученого* / Г. С. Кара-Мурза // *Новый мир*. – 1950. – № 4.
20. *Карпюк С. Г. А после была война: дискуссия 1940 г. о крито-микенской цивилизации* / С. Г. Карпюк // *Вестник древней истории*. – 2015. – № 2.
21. *Косвен М. О. Древнее Перу* / М. О. Косвен // *Исторический журнал*. – 1941. – № 3. – С. 91–99.
22. *Лисициан С. С. Старинные пляски и театральные представления армянского народа* / С. С. Лисициан. – Ереван, 1958. – Т. 1.
23. *Люди и судьбы*. – СПб., 2003.
24. *Москва. Энциклопедия*. – М., 1980.
25. *Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая* / В. Н. Никифоров. – М., 1970.
26. *Рамм Б. Я. Научная и общественная деятельность О. Л. Вайнштейна (1894–1980)* / Б. Я. Рамм // *История и историки: Историографический ежегодник, 1983*. – М., 1987. – С. 258–270.
27. *Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов*. – М., 1988.
28. *Старкова К. Б. Воспоминания о прожитом. Жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР* / К. Б. Старкова. – СПб., 2006.
29. *Тюляев С. И. Архитектура Индии* / С. И. Тюляев. – М., 1939.
30. *Шепунова Т. М. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре (Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории»)* / Т. М. Шепунова // *Вестник древней истории*. – 1940. – № 2. – С. 204–218.
31. *Шепунова Т. М. По историческим учреждениям. В Академии наук СССР. Обсуждение главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории»* / Т. М. Шепунова // *Исторический журнал*. – 1940. – № 7. – С. 135–139.
32. *Штаерман Е. М. Раскопки в Рас-Шамре* / Е. М. Штаерман // *Исторический журнал*. – 1941. – № 4. – С. 77–83.

Вігасін А. А., Карпюк С. Г. Невидана та забута: «История культуры» 1941 року

У статті розглядається перший том «Истории культуры» 1941 р., який був підготовлений до друку, але не опублікований у зв'язку із початком війни. А. А. Вігасін та С. Г. Карпюк аналізують науковий рівень книги, простежують долю та еволюцію поглядів її авторів.

Ключові слова: «История культуры», радянська історіографія, стародавній світ, Середні віки.

Vigasin A. A., Karpyuk S. G. Unpublished and Forgotten: «The History of Culture» of 1941

The article is devoted to the first volume of «The History of Culture» which was prepared in 1941, but was not published due to the outbreak of war.. A.A. Vigasin and S.G. Karpyuk analyze the scholar level of this book, trace the fate and views of its authors.

Keywords: «The History of Culture», Soviet historiography, ancient world, the Middle Ages.